

Индонезия-2020 – обострение противоречий

Другов Алексей Юрьевич

доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, alexdrugov37@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: Автор рассматривает события, которые свидетельствуют об известном росте напряженности в стране – конфликт в связи с законопроектом о направлениях развития государственной идеологии, введение сертификации для лиц, выступающих с проповедями или лекциями на религиозные темы, создание радикальной оппозиционной Коалиции действий по спасению Индонезии, конфликт вокруг закона о создании рабочих мест и возвращение из эмиграции радикального мусульманского лидера Хабиба Ризика Шихаба. Реакция властей на активизацию радикального ислама имела следствием известное ограничение политических свобод и фактическое усиление самостоятельной политической роли индонезийской армии.

Ключевые слова: противоречия, панча сила, идеология, сертифицирование, религия, ислам, коалиция, рабочие места, «омнибус», права человека, Хабиб Ризик Шихаб (ХРШ), армия

Indonesia 2020 - the Intensification of Contradictions

Aleksey Yu. Drugov

Doctor of Political Sciences, Chief Researcher at the Center for SEA, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow, alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: The article deals with the events demonstrating certain growth of tensions in Indonesian society. These events are the conflict which arose from the bill on the developing the state ideology, the certificates for persons delivering religious sermons and lectures, creation of new radical opposition Coalition of action for salvation of Indonesia, the “Omnibus law” on creation of working places, and returning from emigration of radical Islamist leader Habib Rizieq Syihab. The government’s reaction to activization of radical political Islam resulted in some limitation of political freedoms in Indonesia and growth of independent political role of the Indonesian Army.

Keywords: conflicts, panca sila, ideology, certificates, religion, Islam, Coalition, working places, “Omnibus law”, human rights, Habib Rizieq Syihab, Army

Високосный 2020 год в Индонезии ознаменовался рядом событий, отразивших существенные противоречивые процессы в индонезийском обществе и его элитах. В мае 2020 г. парламентская фракция Демократической партии Индонезии (борющейся), крупнейшая в Совете народных представителей, выступила инициатором внесения законопроекта «О направлении развития идеологии панча сила» (государственной идеологии страны).

Закон мыслился как руководство для государственной власти при формировании, осуществлении и оценке развития в центре и в регионах на основе принципов панча сила. Это мотивировалось тем, что в стране до сих пор нет правового обоснования развития государственной идеологии как руководства для национального и государственного бытия¹. Эти принципы включены в преамбулу конституции Индонезии, принятой 18 августа 1945 г., их соблюдение обязательно для всех граждан:

- вера в единого Бога-вседержителя;
- справедливый и цивилизованный гуманизм;
- единство Индонезии;
- демократия, основанная на стремлении к единогласию на основе консультаций и представительства;
- социальная справедливость для всего народа Индонезии.

С момента включения пяти принципов в конституцию в Индонезии находились у власти четыре политических режима – парламентская демократия до 1959 г., авторитарно-националистическая «направляемая демократия» до 1965 г., военно-репрессивный режим «нового порядка» в 1966–1998 гг., и режим демократических реформ с 1998 г. по настоящее время. Их толкование и правоприменение были весьма различными – от относительного плюрализма до 1965 г. до массовых убийств политических и идейных противников под лозунгом защиты национальной идеологии во второй половине 1960-х гг. и сохранения монопольного положения государственной идеологии в настоящее время. После 1965 г. имеет место приспособление к потребностям капиталистического развития идеологии, рожденной национальной революцией в патриархальном обществе с преобладающим общинным укладом.

Официальная сакрализация идеологии, подкрепленная практически полицейскими мерами против всего, что выглядит как «ересь», побуждает искать ответы на вопросы современности в единственной идеологической системе, которая не подвергается запрету, – в канонах религии, прежде всего ислама. Острота социаль-

ных противоречий порождает радикальную трактовку идей, заложенных в исламе, как и во всякой другой религии, прежде всего равенства людей. Идея создания исламского халифата обозначается как едва ли не главная идеологическая угроза в Индонезии.

Действенность принципов снова оказалась под сомнением в 2016-2017 гг., когда радикальным исламистам удалось воспрепятствовать избранию на пост губернатора столицы этнического китайца, протестанта по вероисповеданию Басуки Ч. Пурнама и добиться для него тюремного заключения по обвинению в поношении ислама. Это явно противоречило постулатам панча сила, государственному девизу «Единство в многообразии».

Правительство справедливо увидело в этом системную угрозу, поскольку исламисты не без успеха апеллировали к массам. Продолжили деятельность радикальные исламистские организации, созданные в 2016–2017 гг. и подчиняющиеся находившемуся тогда в эмиграции в Саудовской Аравии Хабибу Ризику Шихабу, провозгласившему себя верховным имамом.

Росло идеологическое диссидентство. Как показали исследования, уровень религиозной нетерпимости, радикализма на уровне «корней травы» в массовых системных мусульманских организациях гораздо выше, чем в их элите². Низы в наибольшей мере ощущают остроту социальных противоречий.

Но аналогичные тенденции отмечаются в среде государственных служащих. Опрос, проведенный аналитическим центром “Alvara Research Center” в 2017 г., показал, что 19,4% государственных служащих не разделяют пять принципов. Годом позже было установлено, что в 41% мечетей, расположенных вблизи министерств и государственным компаний, на службах по пятницам распространяют радикальные идеи³. В июле 2020 г. глава Управления по борьбе против терроризма Бой Рафли Амар сообщил, что идеи радикализма, нетерпимости, террора распространяются в среде военно-служащих, полицейских, чиновничества⁴.

В 2018 г. президент Джоко Видодо создал Управление по воспитанию в духе идеологии панча сила во главе с Мегавати Сукарнопутри, дочерью первого президента страны, лидером Демократической партии Индонезии (борющейся), президент Индонезии в 2001–2004 гг. Формируя кабинет в 2019 г., президент назначил министром по делам религий генерал-майора в отставке Фахрула Рази. Это свидетельствовало о более жесткой позиции правительства по

отношению к религиозному диссидентству и одновременно о политической роли армии.

В 2019 г. к упрочению позиций панча сила была привлечена полиция. Лица, претендующие на должности в государственном аппарате, должны представить свидетельство из полицейских органов о непричастности к какой-либо идеологии, кроме официальной.

Двенадцать министерств и ведомств приняли документ о взаимодействии в мерах против тех госслужащих, кто в устной или письменной форме, в изображениях, в аудио- или видеоматериалах распространяют идеи, враждебные панча сила, конституции 1945 г., девизу «Единство в многообразии», унитарному характеру государства и правительству страны. Имеется пункт о непричастности к распространению ложных или безответственных сведений непосредственно или через средства массовой информации.

Всего обозначено 11 видов запрещенной деятельности, в частности, использование атрибутов, противоречащих панча сила, а также одобрение подобной деятельности, в том числе и в соцсетях. Учрежден портал, на который граждане должны сообщать о случаях, когда государственные служащие дают основания заподозрить их в перечисленных нарушениях.

Обосновывая эти меры, генеральный секретарь Министерства по совершенствованию государственного аппарата и реформе бюрократии Дви Вахью Ахмаджи заявил, что «если у чиновника есть собственное мнение или замечания в адрес правительства, то будет лучше, если он сообщит их своему руководству»⁵.

Такова была в общих чертах политическая атмосфера, когда в парламент был внесен законопроект «О направлении развития идеологии панча сила». Его цель заключалась в том, чтобы более точно определить значение панча сила и функции Управления по воспитанию в духе государственной идеологии⁶.

Предлагалось создать государственный орган на уровне министерств и ведомств для исследования процессов, развивающихся в различных слоях общества, в семейных отношениях, разработки инноваций в этих областях и развития пяти принципов. Этот орган имел бы следующие прерогативы:

- вносить предложения по формированию политического курса государства на основе панча сила;

- руководить научными исследованиями и разработкой инноваций в качестве основы планирования и анализа всех сторон процесса национального развития на основе панча сила;

- осуществлять контроль за тем, чтобы в политической и практической деятельности государственные органы, местные органы власти руководствовались предлагаемым законом⁷.

Проект документа состоял из 19 глав (60 статей). В качестве важнейших указывались глава 2 (направление развития), глава 3 («Направление» как руководство к формированию системы науки и технологий) и глава 5 – «Направление» как руководство к формированию национальной системы развития народонаселения и семьи.

Наибольшее внимание привлекла и стала предметом ожесточенной дискуссии глава 7, содержащая три статьи:

1. Основная сущность панча сила заключается в принципе справедливости и социального благосостояния в духе семейности, который объединяет в себе религиозность, гуманизм, единство, народность и политическую демократию.

2. Главное содержание панча сила заключается в трех принципах – соционационализм, социодемократия и цивилизованная религиозность.

3. Три указанные принципа кристаллизуются в одном – сотрудничестве⁸.

Проект в общих чертах весьма напоминал создание в период «нового порядка» Управления по осуществлению и привитию государственной идеологии, которое было ликвидировано после падения авторитарного режима. Суть его заключалась в унификации толкования и приложения к политическим процессам пяти принципов, подверженных широкому спектру интерпретации (кроме единства Индонезии) в зависимости от характера политического режима и интересов различных политических сил.

Наряду с ДПИ(Б) законопроект в принципе поддержали фракции Национально-демократической партии, Движения великой Индонезии (сокращенно Гериндра), Голкара, Партии национального возрождения, Партии социальной справедливости, которая предложила усилить формулировки, касающиеся роли религии, и сослаться на решения 1966 г. о запрещении коммунистической идеологии и Компартии Индонезии. Партия демократов воздержалась от участия в проекте. Ее лидер Агус Юдойоно, сын шестого президента Индонезии, заявил, что в проекте есть элементы секуляризма и атеизма, и высказался против оформления статуса панча сила в виде закона, поскольку этот статус заложен в конституции⁹.

Наиболее активную оппозицию проект встретил со стороны мусульманских организаций и армии, которую представляло ее весьма влиятельное ветеранское сообщество. Оппоненты не без оснований усмотрели в сведении пяти принципов к трем и одному пунктам попытку известной секуляризации общества, разграничения ролей государства и религии в общественно-политической жизни.

Эта идея принадлежала еще Сукарно, и он говорил об этом 1 июня 1945 г. на заседании Комиссии по подготовке независимости Индонезии¹⁰. В первоначальном варианте панча сила принцип религиозности стоял на последнем месте и лишь под нажимом мусульманских деятелей был передвинут на первое место, что и нашло отражение в преамбуле конституции. Покусившись на этот порядок принципов, утвержденный основным законом, авторы законопроекта дали своим противникам искомый предлог для нападок. Тем более, что в ст.2 главы 7 законопроекта принцип веры в Бога Единого Вседержителя был сведен у формулировке «цивилизованная религиозность». В ней читался намек на то, что религиозность может быть нецивилизованной и этому феномену следует противостоять. Это может восприниматься в прямой связи с ролью, которую радикальные исламисты играли в ходе выборов губернатора Джакарты в 2016–2017 гг. и президента страны, и теми методами, которые применяет тот же Фронт защитников ислама.

Определение «цивилизованная» в применении к религиозности было также взято у Сукарно, из выступления 1 июня 1945 г., где он сказал: «Будем же почитать, отправлять религию, как мусульманскую, так и христианскую, *цивилизованно* (курсив Сукарно). Что означает цивилизованно? Это означает взаимное уважение. Пророк Мухаммед дал доказательства веротерпимости. Иисус Христос тоже проповедовал эту веротерпимость»¹¹.

Отрицательной была реакция крупнейших мусульманских организаций Нахдатул Улама и Мухаммадья. Руководство НУ «выразило обеспокоенность тем, что принятие закона может привести к обострению идеологических конфликтов, поскольку он составлен наспех». Лидеры Мухаммадья, в частности, генеральный секретарь Абдул Мути, сочли, что в законе нет необходимости, поскольку позиции панча сила достаточно прочны¹².

Непримиримую позицию занял Совет улемов Индонезии, не без оснований увидевший в законопроекте попытку разграничить прерогативы государства и религии в политической жизни обще-

ства. Генеральный секретарь СУИ Анвар Аббас заявил, что сведение пяти принципов к трем или к одному есть предательство по отношению к национальной идеологии, поскольку все пять ее элементов должны рассматриваться в единстве и не могут разъединяться, равно как не может быть изменен их порядок¹³. Заместитель председателя Совета Мухьиддин Джунаиди указал, что сведение пяти принципов к одному отрицает первый пункт, а вместе с ним статью 29 (п.1) Конституции, и отрицает роль религии в национальном и государственном бытии Индонезии. В заявлении СУИ говорилось: «Полностью одобряя роль Национальной армии Индонезии, охраняющей суверенитет Унитарного государства Республики Индонезии и одновременно идеологию панча сила в случаях распространения чуждых взглядов в любой форме и под любым прикрытием, мы призываем немедленно сообщать о подобных случаях ближайшему военному посту или штабу».

СУИ предупредил, что если правительство проигнорирует это заявление, то его руководство и местные органы Совета по всей стране призовут к единым конституционным действиям в качестве авангарда борьбы против коммунистических воззрений во имя сохранения Унитарного государства Республики Индонезии на основе панча сила и Конституции 1945 г.¹⁴.

Упоминание Национальной армии Индонезии не было случайным. Законопроект категорически отвергла военная элита устами ее ветеранов. 19 июля 2020 г. представители ветеранов вооруженных сил и полиции встретились с президентом и заявили о своей резко отрицательной позиции. Они предложили вместо этого издать закон о воспитании в духе государственной идеологии, а не о направлении ее развития. При этом генерал в отставке Три Сутрисно, бывший вице-президент, ныне попечитель Форума единства отставных военнослужащих, подверг критике изменения, внесенные в конституцию после 1998 г., и от имени коллег призвал вернуться к их рассмотрению¹⁵.

12 июня 2020 г. генеральный секретарь Форума генерал-майор в отставке Сукармо заявил, что закон в случае его принятия внесет сумятицу в государственную систему. Ветераны, по его словам, считают, что внесение законопроекта является попыткой создать хаос и возродить Коммунистическую партию Индонезии. Они считают также, что либерально-капиталистической группировке удалось выхолостить государственную идеологию путем внесения четырех пакетов поправок в конституцию после 1998 г. Ей на смену

пришли индивидуализм, капитализм и либерализм. Используя капиталы, они направляют динамику социально-политических и экономических процессов¹⁶. В Индонезии военные ветераны в отличие от лиц, состоящих на действительной службе, имеют право выступать с заявлениями, отличающимися от официальной государственной политики. На деле они выражают позицию действующей военной элиты.

Что касается антикапиталистического пассажа, то именно период военно-репрессивного режима «нового порядка» (1966–1998 гг.), когда армия, ее офицерский корпус, были доминирующей политической силой, характеризовался бурным развитием капитализма в Индонезии после того, как армия потопила в крови наиболее последовательную антикапиталистическую силу страны – Компартию Индонезии.

Сейчас, как видно из приведенных высказываний, делаются попытки путем апелляции к антикапиталистическим настроениям, бытующим в широких кругах населения, поставить под вопрос комплекс демократических реформ, начатых с падением военного режима в 1998 г. Так, генеральный секретарь ДПИ(Б) Хасто Кристианто призывает вернуться к подлинным целям панча сила и путем политического сотрудничества очиститься от демократии, окрашенной господством капитала, иначе говоря, господством интересов его владельцев. Председатель Конституционного суда Хамдан Зулфа считает, что панча сила имеет антикапиталистическую направленность и предполагает, что Индонезия является государством всеобщего процветания и прежде всего должна дать маленьким людям возможность стать большими людьми. Это не значит, что не должно быть тех, кто владеет крупными капиталами, однако, государство должно защищать слабых¹⁷.

Одним из главных поводов для нападок на законопроект представители военной и мусульманской элит сделали отсутствие в преамбуле ссылки на постановление Временного Народного Консультативного Конгресса №25 от 1966 г. о запрещении Компартии и коммунистической идеологии. Казалось бы, через полвека, прошедшие с тех пор, проблема должна утратить свою актуальность. Но этого не произошло по ряду причин. Кровопролитие конца 1960-х гг. остается несмываемым пятном на национальной совести. Поэтому каждая попытка отойти от официальной версии этих событий, приписывавшей коммунистам попытку государственного переворота, логически означает возложение ответственности за

пролитую кровь на армию и радикальных исламистов. Другая причина, видимо, заключается в ощущении слабости национальной идеологии и опасении, что в условиях углубления социальных различий массы испытывают инстинктивную потребность в радикальных идеях.

По данным официальной статистики, в марте 2020 г. число граждан, причисляемых к бедным, составляло 26,42 млн человек, что на 1,63 млн превышает состояние на сентябрь 2019 г. В городах беднота в сентябре 2019 г. составляла 6,56% населения, в марте 2020 г. – 7,38%. В сельской местности соответственно 12,60% и 12,82%¹⁸.

Заслуживает внимания и мнение профессора-историка Индонезийского института научных исследований Асви Варман Адама, который считает, что раздувание проблемы возрождения Компартии Индонезии имеет целью скомпрометировать ДПИ(Б) в предвидении выборов 2024 г. (против этой партии направлена большая часть обвинений в привлечении лиц, подозреваемых в прокоммунистических настроениях). Как считает ученый, имеют место попытки поднять престиж генерала Сухарто, главы государства периода «нового порядка», изобразив его спасителем государства от коммунистической угрозы, и в качестве мишени избрана ДПИ(Б), которую связывают с коммунизмом и Сукарно¹⁹.

ДПИ(Б) стала такой мишенью прежде всего как самая влиятельная партия страны, что показали итоги парламентских выборов. Как указывала газета «Джакарта пост» (09.06.2020), в ее рядах нашли благожелательный прием деятели, имена которых связывают с КПИ. Сказанное объясняет, почему антикоммунистическая риторика стала едва ли не преобладающим мотивом в полемике против законопроекта. В современной Индонезии эта мотивировка неотразима, поскольку любое возражение влечет угрозу репрессий на основе все того же решения Конгресса от 1966 г. Но она же свидетельствует об идейной беспомощности ее носителей.

Эпицентром полемики все же стала проблема статуса религии. Свобода вероисповедания в Индонезии сводится к свободе выбора религии, и религиозность является обязательной, будучи закрепленной в конституции. Поэтому позиция основных системных мусульманских организаций в связи с законопроектом носит двойственный характер. С одной стороны, она отразила тревогу мусульманской элиты, которая опасается, что ограничение роли религии приведет к сокращению ее удельного веса, политической роли в стране

с вытекающими отсюда последствиями, в том числе и экономическими.

С другой стороны, имеет место реакция мусульманской уммы, которая воспринимала ситуацию как пролог к утрате нравственных и правовых норм, связанных с исламом, и одновременно – к утрате духовной суверенности. Но это отражает, в частности, и дефицит доверия к государственной власти.

Мусульманские радикалы провели демонстрации перед парламентом. Среди требований были отставка президента, роспуск ДПИ(Б), отказ от дальнейшего обсуждения спорного законопроекта, арест его инициаторов²⁰. Негативное отношение к документу высказали и некоторые партии, которые ранее занимали позитивную позицию. Лидер Партии национального мандата Зулкифли Хасан выразил опасение, что продолжение полемики приведет к идейному кризису и, в конечном итоге, к кризису социальному²¹.

Опасения части элиты отразила редакционная статья газеты «Джакарта пост» (22.06.2020), где говорилось, что «больше всего в этом законе пугает мандат, который предоставляется правительству на право в одностороннем порядке определять, каким образом панча сила должна претворяться в жизнь в общественном, политическом и экономическом развитии». Газета напоминала, что уже было время, когда лояльность гражданина государству измерялась его способностью заучить наизусть 45 пунктов, по которым должны исполняться принципы государственной идеологии. «Нельзя допускать, чтобы это повторилось», заключала газета.

Но, возможно, главным, хотя и не афишировавшимся мотивом негативной реакции было неприятие самой идеи обсуждения и развития панча сила, которая неизменно сакрализуется как нечто вечно и навечно данное. Как представляется, подверженность широкому спектру толкований устраивает те партии и группировки, которые по историческому опыту знают, что право трактовки панча сила принадлежит властям предержащим, и рассчитывают в тот или иной момент оказаться в качестве таковых.

В этой ситуации есть важный момент, который нельзя считать до конца проясненным. Когда отставные генералы пришли во дворец к президенту 19 июня 2020 г. с выражением несогласия с законопроектом, он заявил, что не направлял в парламент письмо с согласием на обсуждение этого документа и он появился на свет исключительно по инициативе Совета народных представителей²². Еще до этого министр-координатор по вопросам политики и без-

опасности Махфуд М.Д. сообщил, что президент считает нужным отложить обсуждение документа, и призвал парламент воспринять настроения возможно более широких кругов общества. Он указал, что законной является та формулировка пяти принципов, которая изложена в конституции²³. Отрицательную позицию по отношению к законопроекту занял и Совет представителей регионов²⁴. Возникает вопрос, как случилось, что законопроект, могущий поставить страну на грань политического кризиса, был внесен по инициативе крупнейшей партии страны ДПИ(Б), главной опоры президента, без согласования с ним. Этот вопрос не поднимался в ходе полемики. Лидер партии Мегавати Сукарнопутри фактически осталась в стороне.

Уже 6 июня Махфуд М.Д. заявил, что правительство отвергает любые попытки интерпретации панча сила, включая ее сведение к трем или к одному принципам, и не будет создавать соответствующий орган. Панча сила не может быть подвергнута толкованию в рамках отдельного документа, ибо это породило бы коммунизм²⁵. Министр не дал конкретного толкования этого оригинального прогноза, из которого вытекает, что у официальной идеологии нет альтернативы кроме коммунистических идей.

Шестнадцатого июня он во главе группы министров от имени правительства передал спикеру парламента Пуан Махарани (дочери М. Сукарнопутри) проект закона о функциях Управления по воспитанию в духе национальной идеологии, призванного заменить нашумевший законопроект. В нем изложены задачи, прерогативы и структура ведомства, которое ранее было создано указом президента, а с принятием закона получит более высокий статус. В нем отсутствуют положения о толковании принципов и их истории, зато упомянуто постановление 1966 г. о запрещении Компартии и марксистско-ленинской идеологии²⁶. Махфуд М.Д. подтвердил позицию правительства, что формулировка принципов панча сила, присутствующая в конституции является окончательной. «Панча сила состоит из пяти принципов, а не из трех или одного», подчеркнул он²⁷.

Принимая новый законопроект, Пуан Махарани сказала, что на этом следует прекратить полемику, вернуться к мирной жизни и сотрудничеству и вместе бороться с пандемией COVID-19²⁸. М. Сукарнопутри, инициатор первого законопроекта, воздержалась от участия в полемике на всех этапах. Но было очевидно, что этот кризис может отрицательно повлиять на престиж партии.

Примечательно выступление генсека ДПИ(Б) Хасто Кристианто, решившего очистить партию от подозрений в умалении роли панча сила, которая, по его словам, изначально направлена на достижение братства народов и противостоит как марксизму-ленинизму, так и либерализму-капитализму, несущим в себе семена колониализма и империализма. Панча сила противостоит также глобализации, способствующей развитию рыночного фундаментализма, а также религиозного фундаментализма как транснациональной идеологии. Он предположил, что наличие малочисленных, но громкоголосых группировок, выступающих против панча сила, связано с геополитическими проблемами и противостоянием национальной идеологии транснациональным идеологиям²⁹.

Это выступление от имени самой влиятельной ныне партии в стране позволяет ощутить главную струну политической культуры современной Индонезии. Оказавшись перед необходимостью нейтрализовать отрицательную реакцию на законопроект, руководство ДПИ(Б) апеллирует к великодержавной самоидентификации, присущей политически активному слою индонезийцев, и придает национальной идеологии наднациональную, всемирную роль.

Исход конфликта выглядит как успех если не радикального, то, во всяком случае, консервативного крыла мусульманской элиты. Инициаторы спорного законопроекта недооценили значение религиозного чувства верующих. Как показал опрос, проведенный аналитическим центром Pew Research Center в 2020 г., 98% опрошенных заявили, что религия составляет важную часть их бытия, 91% то же сказали о Боге и 95% о молитве. Индонезия и Филиппины по этим показателям заняли два первых места среди 34 стран. Сопоставим эти результаты с данными министра по делам религий Фахрула Рузи, сообщившего, что 65% индонезийских мусульман «неграмотны в отношении Корана»³⁰. Это означает, в частности, что религиозность для большинства индонезийцев не есть комплекс философских представлений о происхождении и законах развития мира, но символ защиты индивидуальности, духовного суверенитета в условиях капиталистического развития.

Спорный законопроект о путях развития государственной идеологии уже к концу июля 2020 г. практически пропал со страниц СМИ, оставив, по крайней мере, три проблемы. Первая – положение и перспективы развития панча сила, которая фактически изъята из сферы научного и политического анализа и как его предмет, и как его метод, и фактически не подлежит развитию. Вторая – рели-

гиозная ситуация, которая, как показано выше, остается напряженной, радикалы сохраняют существенные позиции, а это ведет к усилению зависимости Джоко Видодо от армии. Третья, которая может показаться частной по сравнению двумя предыдущими, недостаточная координация в деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти – важный закон был подготовлен без согласования с президентом.

Судя по дальнейшим событиям, правительство ощутило необходимость активизировать работу в этих сферах. Вице-президент М. Амин призвал религиозных деятелей воспитывать у паствы не только верность религиозным канонам, но и стремление овладеть достижениями науки и техники, при всех неоднозначных, но неизбежных последствиях глобализации³¹. В другом случае М. Амин, видный мусульманский деятель, поставил молодежи в пример третьего президента Индонезии Б.Ю. Хабиби, который долго и успешно работал в автомобильной промышленности ФРГ на весьма ответственных постах. Он сказал, что Б. Хабиби «был умом в Германии, а сердцем в Мекке», подчеркнув совместность религиозности и приверженности современным достижениям³².

Вице-спикер Народного Консультативного Конгресса Ахмад Басара выступил за корректировку программ религиозного образования путем усиления в них мотивов толерантности³³. Глава Национального управления по борьбе против терроризма Бой Рафли Амар заявил, что создается единый блок с крупнейшими мусульманскими организациями страны Мухаммадья и Нахдатул Улама для совместной борьбы с террористами. Последние используют пандемию COVID-19, объявляя ее знаком приближения «судного дня» и призывая на этом основании верующих в свои ряды. В задачи блока входит продвижение религиозной умеренности и государственной идеологии³⁴.

В конце июля 2020 г. президент учредил в структуре Государственного разведывательного управления должность заместителя начальника ведомства, курирующего вопросы безопасности государственного аппарата. Он должен координировать всю работу в этом направлении, включая проверку кандидатов на посты в госаппарате³⁵.

В сентябре 2020 г. Министерство по делам религий обнародовало программу выдачи сертификатов лицам, выступающим с проповедями или лекциями по религиозной тематике. Таковых насчитывается до 60 тысяч человек. Имеется в виду, что они пройдут

определенный курс по повышению уровня их знаний в области как религии, так и государственной идеологии. Эта кампания под руководством министерства распространяется на представителей всех религий, после чего им будут выданы соответствующие сертификаты. К участию в программе привлекаются такие ведомства, как Институт национальной стойкости, Управление по воспитанию в духе национальной идеологии, Национальное управление по борьбе против терроризма, Совет улемов Индонезии и другие. При этом представитель министерства утверждал, что прохождение программы будет добровольным³⁶.

Совет улемов Индонезии жестко выступил против программы, заявив, что рассматривает ее как попытку вмешательства правительства в религиозные вопросы и установления контроля над духовной жизнью. Признавая важность повышения компетентности религиозных проповедников, Совет счел, что это задача должна решаться исключительно религиозными органами. Заявление заканчивалось призывом не отождествлять священнослужителей и религиозных проповедников с радикализмом³⁷.

Представитель радикального исламистского Фронта защитников ислама Мунарман обвинил правительство в том, что «в течение ряда лет режим ведет наступление на религию, направленное исключительно против ислама... За этим несомненно стоят враги мусульманской религии»³⁸.

Официально о начале программы было объявлено 18 сентября. Заместитель министра по делам религий Заинут Таухид Саади заявил, что она направлена на повышение компетентности проповедников и на усиление их роли в деле модернизации. «Не приходится отрицать, что время приносит много перемен, на которые мы должны оперативно реагировать»³⁹.

Конфликт вокруг законопроекта, предполагавшего известную модернизацию идеологического бытия, а затем вокруг программы регулирования проповеднической деятельности духовных лиц, отразил существенную противоречивость развития идейной среды индонезийского государства и общества, в которой пребывает его элита. Он завершился отказом от развития государственной идеологии, ее приспособления к потребностям модернизации.

Но противоречия этим не были исчерпаны. 18 августа 2020 г. в центре Джакарты у монумента, посвященного провозглашению независимости Индонезии, группа видных политических деятелей объявила о создании Коалиции действий во имя спасения Индоне-

зии. Среди них были руководитель Совета улемов Индонезии Дин Шамсуддин, бывший главнокомандующий вооруженными силами Индонезии генерал в отставке Гатот Нурмантьо, бывший министр лесного хозяйства М. Кабан, дочь бывшего президента Титик Сухарто.

Присутствовавшие выдвинули восемь требований к правительству Джоко Видодо. Среди них присутствовали: 1) соблюдать верность конституции и государственной идеологии; 2) активизировать борьбу против COVID-19, включая материальную помощь малоимущим слоям населения; 3) принять на себя ответственность за преодоление экономического спада в интересах беднейших и средних слоев населения, а не крупных и иностранных предпринимателей; 4) прекратить злоупотребления в области законодательства, случаи криминализации политических противоречий, сурово наказывать казнокрадов; 5) искоренять коррупцию и кумовство, всевластие олигархов, клептократию, династические связи и злоупотребление властью; 6) не допустить возрождения коммунизма, других идеологий, враждебных панча сила, сепаратизма, и прекратить стигматизацию религиозных группировок, которые обвиняются в нетерпимости, радикализме и экстремизме, что раскалывает общество; в этом же пункте содержалось требование к правительству проводить активную и независимую внешнюю политику, не стоять на коленях перед известной страной (намек на КНР?); 7) провести доскональное расследование в отношении тех, кто, используя конституционные каналы, пытается изменить панча сила как основу государства и тем сокрушить Унитарное государство Республику Индонезию, не допускать подобных попыток в будущем; 8) призвать президента и органы государственной власти исполнять свой долг во имя спасения народа, нации и государства⁴⁰.

Выступая 7 сентября в Бандунге Дин Шамсуддин заявил, что в стране царят извращения основных ценностей и идеалов, которые оставили народу основатели государства. Он обвинил правительство в установлении «конституционной диктатуры» и призвал сторонников Коалиции к политическим действиям⁴¹.

Пресса припомнила, что два года назад Дин Шамсуддин говорил, что был бы польщен, если бы Джоко Видодо предложил ему вместе баллотироваться на президентских выборах 2019 г. «Да и кто бы не был польщен, если ему окажут такую честь. Если меня, даст Бог, спросят, я всегда готов»⁴². Неслучайно поэтому, что как сказал один аналитик, в Коалицию объединились «обиженные», те,

кто неудовлетворен своим местом в нынешней политической жизни⁴³.

На стороне Коалиции выступил ряд исламистских организаций. При провозглашении ее создания присутствовали Амин Раис, лидер радикального крыла мусульманской Партии национального мандата, отколовшегося от ПНМ в 2020 г., образовав оппозиционную Партию уммы. С Коалицией солидаризировалось исламистское «Братство 2-12», тесно связанное с Фронтом защиты ислама.

Весьма значительным может оказаться участие в Коалиции отставного генерала Гатота Нурмантьо. До декабря 2017 г. он занимал пост главнокомандующего вооруженными силами, и был отправлен в отставку в связи с достижением пенсионного возраста, наступавшего в марте 2018 г. Это увольнение генерал объяснял тем, что он в приказном порядке обязал всех военнослужащих вновь смотреть фильм, содержащий официальную версию событий 1965 г., хотя на одном из просмотров вместе с ним присутствовал президент. Индонезийские аналитики связывают увольнение с тем, что в 2016–2017 гг. генерал солидаризировался с исламистами, в том числе «Братством 2-12»⁴⁴, и тем наращивал свой политический капитал в предвидении президентских выборов 2019 г. На них он, судя по всему, намеревался претендовать на пост вице-президента, чтобы стать кандидатом в президенты 2024 г. Однако Джоко Видодо предпочел ему мусульманского деятеля М. Амина.

Возможно, Г. Нурмантьо, которому в 2020 г. исполнилось 60 лет, намерен баллотироваться на президентский пост в 2024 г., опираясь на Коалицию. Его взгляды характеризуются критическим отношением к демократическим реформам в Индонезии, которые он считает несоответствующими индонезийской самобытности. Выступая 18 сентября на митинге, проводившемся Коалицией, Г. Нурмантьо утверждал, что в стране существует «хорошо организованная сильная группировка, стремящаяся изменить панча сила... Это означает изменение унитарного государства Республика Индонезия. Именно поэтому я присоединяюсь к коалиции, чтобы вместе с ней спасти государство»⁴⁵.

Генерал исповедует воинствующий антикоммунизм и утверждает, что отвергнутый законопроект содержал позиции, которые коммунисты выдвигали еще в 1963 г., и если бы он был одобрен, повторились бы события 1965 г.⁴⁶. В его выступлениях отчетливо просматривается апелляция к позициям консервативных и радикальных исламистов. Что касается разговоров о том, что Коалиция

превратится в политическую партию, то Г. Нурмантьо заявил, что она должна оставаться движением в защиту моральных ценностей, и только этот путь будет верным⁴⁷. Это утверждение еще подлежит проверке временем, но гораздо важнее, что, как заявляет председатель исполкома Коалиции Ахмад Яни, она пользуется поддержкой ветеранов вооруженных сил⁴⁸. В Индонезии генералы и офицеры, выйдя в отставку, обретают право участвовать в политической деятельности и используют это право для продвижения политических взглядов и интересов собратьев, оставшихся на активной службе. В известном смысле, бывших офицеров и генералов в Индонезии не бывает.

В средствах массовой информации Г. Нурмантьо отодвинул далеко на задний план всех коллег в руководстве коалиции. Похоже, что президент и его окружение всерьез воспринимают возможность блокирования военной элиты с мусульманскими консерваторами. Руководитель аппарата президента отставной генерал Мулдоко, предшественник Г. Нурмантьо на посту главкома вооруженных сил, заявил, что создание Коалиции – нормальное явление в условиях демократии. «Но не пытайтесь подорвать политическую стабильность. Правительство не будет предпринимать чрезмерных шагов, но примет меры в случае, если эта организация будет создавать угрозу стабильности и безопасности индонезийского общества»⁴⁹.

Дин Шамсуддин в резких выражениях потребовал от власти не прибегать к запугиваниям, указав, что высокомерие с ее стороны, репрессии и авторитаризм неуместны в эру демократии. «Мы не трусы и боимся только Бога», ответил он на обвинения, что Коалиция представляет интересы некоей группировки, и заявил, что круг интересов самой организации охватывает:

- внесение корректив в общий курс и направление национального развития, которые претерпели много искажений;
- призыв к правительству к серьезному подходу к борьбе с пандемией, поставив на первое место обеспечение здоровья и безопасности населения, а не экономические и политические вопросы;
- призыв к правительству всерьез заняться искоренением коррупции, nepотизма, незаконных сделок, господствующих в кругах исполнительной власти, отменить закон, ослабляющий позиции Комиссии по борьбе с коррупцией;
- призыв к правительству всерьез приступить к преодолению экономического неравенства, поставив на первое место создание

рабочих мест для соотечественников, а не иностранной рабочей силы (читай: граждан КНР), отменить законы, ставящие предпринимателей в привилегированное положение по сравнению с рабочими;

- призыв к правительству надлежащим образом реагировать на попытки расколоть общество, не попустительствовать антидемократическим группировкам, которые в своей нетерпимости и ощущении собственной исключительности, отвергают другие организации, в частности, Коалицию.

Он потребовал от «дворца» не допускать обвинений Коалиции в попытках расколоть общество⁵⁰. Говоря о тех, кто в своей нетерпимости нарушает права других организаций, он явно имел в виду события в Сурабае 28 сентября, где несколько сотен местных жителей выступили против мероприятий Коалиции в этом городе с участием Г. Нурмантьо. Эти мероприятия были затем запрещены полицией под предлогом опасности скопления людей в условиях пандемии⁵¹.

Затронув в своих документах и выступлениях лидеров ряд самых острых проблем современной Индонезии, Коалиция обозначает свои претензии на роль, возможно, наиболее радикального оппонента правительства Джоко Видодо.

Власть явно встревожена радикализмом Коалиции, хотя пока нет причин говорить о широкой массовой поддержке этой организации. В то же время ее филиалы возникают на местах по всей стране. Пользуясь ситуацией с пандемией, правительство преследует участников собраний вплоть до арестов. Показательный случай произошел, когда Г. Нурмантьо и Д. Шамсуддин приехали в управление уголовного розыска, чтобы встретиться с арестованными, и получили отказ⁵². Столь унижительный шаг по отношению к бывшему главному вооруженных сил беспрецедентен в современной Индонезии.

Наиболее широкий размах оппозиционные выступления приняли в связи с принятием парламентом 5 октября 2020 г. Закона о создании рабочих мест. Поскольку он был призван вобрать в себя бесчисленное количество действовавших законов и подзаконных актов, принятых в разное время, ему было дано название «Всеобъемлющий» в английском варианте, который звучит как «Омнибус». Президент Джоко Видодо обозначил 11 пакетов проблем, которые должен был решить этот закон, чтобы ускорить экономическое развитие. Среди них – упрощение процедуры лицензирования пред-

приятый, корректировка условий инвестирования, проблема рабочей силы, поддержка исследований и инноваций, поддержка микро-, малого и среднего бизнеса и ряд других. Срочность принимаемых мер он объяснил тем, что в разгар пандемии COVID-19 число безработных достигло 6,9 млн. человек. Школьное образование имеют 87% рабочей силы, из них 39% – начальное образование. Отсюда срочная потребность создания новых рабочих мест, в особенности, в трудоемких областях⁵³.

За принятие закона голосовали ДПИ(Б), Голкар, Партия национального возрождения, Национал-демократическая партий, Партия единства и развития и Гериндра, с оговорками Партия национального мандата. Против – Партия справедливости и процветания и Партия демократов.

Однако в законе обнаружили ряд статей, существенно ограничивших права рабочих в пользу работодателей. Среди них расширение практики приема на временную работу и работу по контракту, увеличение продолжительности допустимой сверхурочной работы, право работодателей на сокращение выходных дней и отпусков, выходных пособий при увольнении, на увольнение рабочих, ограничение прав центральной власти и местных властей на вмешательство в области трудовых отношений⁵⁴.

Сразу после принятия закона, еще до его официального опубликования, широко распространилось мнение, что он служит интересам крупного бизнеса. По всей стране развернулись массовые демонстрации протеста, которые в ряде случаев сопровождались погромами и поджогами государственных учреждений и полицейских участков. В поддержку протестующих выступили исламские радикалы – Община 2-12, потребовавшая отставки президента, Фронт защитников ислама и ряд других организаций. Община 2-12 призвала к немедленному роспуску партий, поддержавших закон, за то, что они действуют в иностранных интересах⁵⁵. Амин Раис заявил, что с принятием этого закона страна превратится в мальчика на посылках у иностранцев, а правительство проявит себя слепым, глухим и немым в отношении народных интересов⁵⁶.

Активное участие в организации демонстраций принимали члены Коалиции за спасение Индонезии, хотя первоначальная позиция Г. Нурмантьо была двойственной – он считал, что цель закона вполне позитивна. Его слова были опровергнуты председателем Исполкома Коалиции, который заявил, что организации категорически отвергает законопроект⁵⁷.

Руководитель аппарата президента Мулдоко утверждал, что во многих случаях протесты вызваны тем, что закон направлен, в частности, против тех, кто использовал противоречия между действующими законами в коррупционных интересах⁵⁸. Министр финансов Сри Мульоно предсказала, что его осуществление позволит Индонезии выбраться из трясины «среднего уровня доходов»⁵⁹. Министр обороны Прабово Субианто считает, что за демонстрациями против «Омнибуса» стоят иностранные круги, «которые никогда не хотели для Индонезии безопасности и прогресса»⁶⁰. По оценке Центра стратегических и международных исследований осуществление закона поможет предотвратить поступление в страну «вредоносных инвестиций, не способствующих росту конкурентоспособности и занятости населения»⁶¹.

Физический объем закона в том виде, в каком он был представлен на подпись президенту, составил 1187 страниц. Вряд ли десятки тысяч людей, вышедших на демонстрации и погромы, были всерьез ознакомлены с его содержанием. Легкость, с которой оппозиции удалось поднять их на выступления, свидетельствует, как и в рассматривавшихся выше случаях, о росте социальной напряженности в стране. Число лиц, живущих ниже черты бедности, выросло за последний год с 9,1% до 9,7%⁶². Этот рост, ставший результатом пандемии, казалось бы, невелик, но сюда не вошло значительно большее число людей, чье материальное положение существенно ухудшилось, хотя и не опустилось ниже черты бедности. Косвенное свидетельство – высокий процент молодежи, студенчества, среди демонстрантов. Министр труда Ида Фаузия по результатам опроса, проведенного Indonesian Political Review в октябре 2020 г., получила самую низкую оценку своей деятельности – положительно оценили 33,3%. Высшую оценку – 45,2% опрошенных получил министр обороны Прабово Субианто, чья деятельность, внешне достаточно эффективная, не отражается прямо на условиях жизни населения⁶³.

Активизация исламских радикалов ведет к ужесточению политического режима, росту роли консерваторов в высшей элите и системных мусульманских организациях (пример – Совет улемов Индонезии). Меры против радикалов прямо или косвенно ведут к ограничению политических свобод в целом. Правительство Джоко Видодо пользуется большей поддержкой парламента, чем любой кабинет после 1998 г. Проблема, однако, в том, что усиливаются проявления внепарламентских форм оппозиционности.

Весьма значимым событием 2020 г. может оказаться возвращение 10 ноября в страну лидера радикально-исламистского Фронта защитников ислама Хабиба Ризика Шихаба (ХРШ) после трехлетнего пребывания в эмиграции в Саудовской Аравии. Там он укрылся от обвинений в распространении порнографии в соцсетях и оскорблении государственной идеологии (впоследствии обвинения были сняты). Находясь в Саудовской Аравии, он провозгласил себя верховным имамом Индонезии и активно выступал с критикой правительства Джоко Видодо. ФЗИ продолжает считать его своим лидером.

По возвращении в Джакарту, где его встречали многие тысячи сторонников, он заявил, что намерен возглавить «нравственную революцию», призванную покончить с несправедливостью, безнравственностью, nepотизмом, поношением религии, криминализацией мусульманского духовенства. Он выразил готовность к примирению с властью, если она примет эти требования. «Мы не враги государства, мы не враги Джоко Видодо, мы не враги армии и полиции. Вы готовы выступить против несправедливости? Тогда с Богом!»⁶⁴. В его выступлениях пока не звучат мотивы политического ислама, создания исламского государства. Возможно, они отложены, чтобы сейчас не навлекать на себя обвинения в подрыве конституционных основ государства. Он скорее апеллирует к повседневным политическим и социальным реалиям.

Политолог из университета «Аль Азхар Индонезия» Уджанг Комаруджо считает, что с возвращением ХРШ политическая карта Индонезии может измениться, если он будет блокироваться с внепарламентской оппозицией, оставаясь над партиями⁶⁵. Сразу по его прибытии Фронт защитников ислама провел два массовых мероприятия (вопреки правилам, установленным в связи с пандемией COVID-19), посвященных дню рождения Пророка и бракосочетанию дочери ХРШ.

Президент Джоко Видодо и вице-президент М. Амин на момент написания этой статьи фактически воздерживаются от обозначения своей позиции. Сравнительно определенно выступил главком вооруженных сил маршал авиации Хади Чахьянто, который, не упоминая лично ХРШ, заявил: «Нельзя допустить подрыва национального единства и сплоченности, мы не должны поддаваться провокациям и амбициям, за какой бы личностью они ни укрывались. Запомните: всякий, кто наносит ущерб национальному единству и сплоченности, будет иметь дело с Национальной армией Ин-

донезии»⁶⁶. Командующий столичным военным округом генерал-майор Дудунг Абдурахман отправил военнослужащих для удаления огромных плакатов с изображениями ХРШ и его изречениями, развешанных по улицам Джакарты (таковых было более 900). Он высказался в том смысле, что при необходимости придется распустить Фронт защитников ислама⁶⁷. Это заявление наделало много шума, поскольку явно выходило за рамки той роли, которая отводится армии в рамках реформ после 1998 г.

Бывший вице-президент Индонезии Юсуфа Калла, не без оснований считает, что эти события свидетельствуют о некотором «вакууме руководства»: системные мусульманские организации не отражают в достаточной мере интересы и устремления масс, что побуждает обращаться к харизматическому лидеру типа ХРШ, что создает серьезную угрозу демократии⁶⁸.

О готовности сотрудничать с ХРШ в осуществлении нравственной революции заявили лидеры мусульманской Партии справедливости и процветания, которая и ранее блокировалась с исламскими радикалами⁶⁹. Промежуточную позицию пока занимают лидеры партии Гериндра (Движение за великую Индонезию), возглавляемой нынешним министром обороны Прабово Субианто. Реакция общественности на меры властей противоречива. В качестве примера: в Джакарте к стенам штаба военного округа и Генерального штаба жители посылают букеты цветов в знак одобрения, напротив, в Матараме жители заставили полицию вернуть снятые плакаты на место⁷⁰. Полиция, впрочем, и в столице вела себя много сдержаннее, чем армия.

Как представляется, сказанным не ограничиваются возможные последствия включения ХРШ в политическую борьбу, и этот процесс заслуживает пристального внимания и сам по себе, и как отражение некоторых глубинных процессов в обществе и политических элитах Индонезии.

¹ Kompas (Jakarta), 25.06.2020

² Gatra.com., 27.06.2020

³ The Jakarta Post, 12.11.2019

⁴ Kompas, 11.07.2020

⁵ Kompas, 13.10.2019

⁶ The Jakarta Post, 22.06.2020

⁷ Kompas, 17.06.2020

- ⁸ Kompas, 25.06.2020
- ⁹ Kompas, 27.06.2020
- ¹⁰ Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956. С.270-271
- ¹¹ Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956. С.269
- ¹² Kompas, 17.06.2020
- ¹³ Kompas, 25.06.2020
- ¹⁴ viva.co.id/berita/nasional/122/883-mui-tolak-um-haluan-ideologi-pancasila
- ¹⁵ Suara Pembaruan (Jakarta), 19.06.2020
- ¹⁶ Republika (Jakarta), 19.06.2020
- ¹⁷ Jawa Pos, 18.06.2020
- ¹⁸ Suara Pembaruan, 15.07.2020
- ¹⁹ Suara Pembaruan, 08.07.2020
- ²⁰ DetikNews (Jakarta), 16.07.2020
- ²¹ DetikNews, 10.07.2020
- ²² Suara Pembaruan, 19.06.2020
- ²³ Suara Pembaruan, 06.06.2020
- ²⁴ DetikNews, 06.07.2020
- ²⁵ Gatra.com., 06.07.2020
- ²⁶ Suara Pembaruan, 16.07.2020
- ²⁷ Republika, 16.07.2020
- ²⁸ Republika, 17.07.2020
- ²⁹ Suara Pembaruan, 21.07.2020
- ³⁰ Republika, 28.07.2020
- ³¹ Kompas, 14.07.2020
- ³² Kompas, 07.09.2020
- ³³ DetikNews, 03.09.2020
- ³⁴ Suara Pembaruan, 09.07.2020
- ³⁵ Kompas, 29.07.2020
- ³⁶ ihram.co.id/berita/fgambc327/kemenag-penceramah-bersertifikat-tingkatkan...
07.09.2020
- ³⁷ DetikNews, 08.09.2020
- ³⁸ Republika, 07.09.2020
- ³⁹ Republika, 18.09.2020
- ⁴⁰ Jawa Pos, 19.08.2020
- ⁴¹ Republika, 07.09.2020
- ⁴² DetikNews, 19.08.2020
- ⁴³ Suara Pembaruan, 19.08.2020
- ⁴⁴ Republika, 24.09.2020
- ⁴⁵ DetikNews, 18.09.2020
- ⁴⁶ DetikNews, 23.09.2020
- ⁴⁷ DetikNews, 20.08.2020
- ⁴⁸ DetikNews, 30.09.2020
- ⁴⁹ Republika, 01.10.2020
- ⁵⁰ DetikNews, 02.10.2020
- ⁵¹ Repiblika, 28.09.2020
- ⁵² DetikNews, 15.10.2020
- ⁵³ DetikNews, 18.10.2020
- ⁵⁴ Kompas, 10.07.2020
- ⁵⁵ DetikNews, 09.10.2020

- ⁵⁶ Tempo, 09.10.2020
⁵⁷ Suara Pembaruan, 17.10.2020
⁵⁸ Republika, 18.10.2020
⁵⁹ Kompas, 12.10.2020
⁶⁰ Tempo, 12.10.2020
⁶¹ Antara, 18.10.2020
⁶² DetikNews, 24.10.2020
⁶³ Republika, 23.10.2020
⁶⁴ DetikNews, 10.11.2020
⁶⁵ Tempo.com., 11.11.2020
⁶⁶ Suara Pembaruan, 15.11.2020
⁶⁷ Suara Pembaruan, 21.11.2020
⁶⁸ DetikNews, 22.11.2020
⁶⁹ Suara Pembaruan, 11.11.2020
⁷⁰ Suara Pembaruan, 23.11.2020; Kompas, 24.11.2020

Статья поступила в редакцию 25.11.2020, принята к публикации 09.12.2020.